

Асп. З. А. Ахметов

ПУШКИН И АБАЙ

Творческое наследие великого гения русской литературы Александра Сергеевича Пушкина стало подлинным достоянием широких масс казахского народа только после Великой Октябрьской социалистической революции.

В дореволюционном Казахстане переводы произведений Пушкина, сделанные казахскими акынами, распространялись главным образом только изустно и в рукописях. Печатных изданий произведений Пушкина было лишь несколько. Так, в 1903 г. была издана М. Н. Бекимовым в Казани «Капитанская дочка», им же переведенная на казахский язык. В 1909 г. в Петербурге впервые были напечатаны переводы Абая из Пушкина.

Только после революции произведения Пушкина печатаются на казахском языке массовыми изданиями. В середине 30-х годов были изданы в переводе на казахский язык «Дубровский», «Метель», «Скупой рыцарь», «Каменный гость» и др. В 1936—1937 гг. вышел трехтомник избранных произведений А. С. Пушкина тиражом в 10 тыс. экземпляров, куда вошли «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Станционный смотритель», драмы и многие стихотворные произведения. Всего за советские годы до юбилейного 1949 года издано на казахском языке около трех десятков крупных произведений и много стихотворений Пушкина, общим тиражом в 250 тыс. экземпляров.

К юбилейным дням вышел на казахском языке новый однотомник избранных произведений Пушкина. В однотомник вошли свыше сорока лирических произведений, все поэмы и многие драматические произведения Пушкина. Широко представлена в этом издании и пушкинская проза. «Евгений Онегин» и многие другие произведения поэта даны в однотомнике в новых переводах лучших поэтов Советского Казахстана.

Замечательные творения пушкинского гения в наше время, наряду с произведениями лучших представителей русской литературы, стали действенным фактором в развитии казахской советской литературы.

И в наши дни, когда творчество А. С. Пушкина становится достоянием все более и более широких масс Советского Казахстана, когда творения Пушкина активно вошли в жизнь казахского народа и помогают его культурному строительству сегодня, мы с чувством глубокой благодарности вспоминаем имя того, кто впервые своими превосходными переводами донес до казахского народа бессмертные идеи Пушкина, сделал его любимым акыном казахских степей еще во второй половине прошлого века. Непревзойденные переводы Абая из «Евгения Онегина» — замечательное явление в истории казахской литературы. Они навсегда

останутся ярким свидетельством горячей любви казахского народа к творениям пушкинского гения, свидетельством горячей любви его к русской литературе и культуре.

Казахская литература обращалась к русской литературе еще в лице своего выдающегося представителя Ибрая Алтынсарина. Алтынсарин оставил прекрасные переводы басен Крылова. Во второй половине XIX в. к русской литературе обратился Абай, все творчество которого неразрывно связано с именем Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Белинского, Чернышевского, Добролюбова и др. Великий поэт и просветитель казахского народа глубоко изучал наследия классиков русской литературы и революционно-демократической общественной мысли.¹ Создатель новой казахской литературы, Абай опирался в своем творчестве на лучшие достижения передовой русской литературы, на ее идейные и эстетические основы.

Более 50 переводов из русских классиков, в том числе и поэмы, дошедшие до нас только в отрывках — вот дань глубокого уважения Абая к русской литературе, дань преклонения перед ее величием и мощью.

Еще будучи учеником мусульманского медресе, наперекор всем правилам духовной школы, Абай учился русскому языку. Учился для того, чтобы в подлиннике читать произведения русских писателей, поэтов и ученых. Абаю тогда было всего лишь 14 лет. Познакомившись с сочинениями Пушкина в эти годы, когда читать удавалось ему с еще большим трудом, Абай всю жизнь не расставался с произведениями Пушкина.

Поэзия А. С. Пушкина освещала путь творчеству самого Абая, служила опорой в его идейно-художественных исканиях. Тщательное изучение творческого опыта Пушкина способствует формированию реализма творчества Абая, помогает создать новую поэтику, ввести новые размеры.

Замечательные стихи Абая о роли поэта и о значении поэзии, о четырех временах года и др. созданы на основе серьезного творческого изучения наследия Пушкина и Лермонтова.

Изучению и освоению творчества Пушкина способствовали и переводы из «Евгения Онегина». Мастерски передавая на казахский язык пушкинские поэтические образы и средства их языкового выражения, Абай обогащает казахскую литературу идейно и расширяет возможности ее художественной формы, вносит в казахскую литературу новые элементы реализма.

В изучении Абаем русской литературы и истории русской общественной мысли, большую роль сыграло его многолетнее общение с русскими политическими ссыльными, жившими в Семипалатинске.

Одним из самых близких друзей Абая был Евгений Петрович Михаэлис. Это был типичный «шестидесятник». П. Д. Боборыкин высказывал даже мнение, что при создании образа Базарова в «Отцах и детях» Тургенев пользовался чертами Михаэлиса.

Ученик Н. Г. Чернышевского, воспитанник Петербургского Университета Е. П. Михаэлис за революционную деятельность был сослан в Тобольскую губернию. Позже, в 1868 г. с особого разрешения Министерства внутренних дел он переехал в г. Семипалатинск.

В Семипалатинске Михаэлис развернул всестороннюю научную деятельность, много сил он уделял просветительной работе в крае. Михаэлис был членом Областного статистического комитета, позже и чле-

¹ Жирентин А. М. О связи Абая с русскими революционерами-демократами. Вестник АН Каз. ССР, 1948, № 1, стр. 49—54.

² «Минувшие годы», 1908, № 5—6, стр. 54.

ном Семипалатинского подотдела Зап.-Сибирского отдела Русского географического общества. При активном участии Михаэлиса были организованы политическими ссыльными музей и публичная библиотека, в которой были собраны почти все русские журналы и газеты. Книжный фонд библиотеки превышал 1000 томов. Наряду с произведениями русских классиков, здесь были сочинения Дарвина, Спенсера, Тэна и др.

В этой библиотеке, постоянным посетителем которой был и Абай, в 80-х годах прошлого века произошло знакомство Михаэлиса с Абаем.

Абай просил последний номер «Русского Вестника», где печаталась «Анна Каренина» Льва Толстого. Журнал оказался в руках Михаэлиса. Михаэлис уступил его Абаю. Завязался разговор. По совету Михаэлиса Абай взял также и том стихотворений Пушкина. Так, при первой встрече Михаэлис рекомендовал Абаю часто читать Пушкина, великого поэта земли русской.

С этих пор Абай стал частым гостем в доме Михаэлиса. Михаэлис, будучи естественником по специальности, горячо любил литературу и искусство. Дочь его — Л. Е. Хотимская (урожденная Михаэлис) пишет в своих воспоминаниях, что Е. П. Михаэлис с друзьями «обсуждали не только общественно-политические, научно-исследовательские вопросы, но и новинки литературы, науки, техники и искусства».¹

«Отец зачитывался художественной литературой», — свидетельствует она. Евгений Петрович Михаэлис был страстным поклонником Льва Толстого. «Любимыми поэтами отца, — пишет его дочь, — были А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов. Стихотворение Лермонтова «На смерть поэта» он цитировал мне очень часто с увлечением».²

Другой выдающейся личностью среди ссыльных друзей Абая был кандидат медицинских наук Нифонт Иванович Долгополов. Сосланный в конце 80-х годов в Западную Сибирь (город Курган), Долгополов и там не прекращал революционной деятельности. «Нифонт Долгополов встал во главе политических ссыльных, небезвредно влияя на население Кургана. Самовольно отлучается из города и отказался принять присягу на верность подданства государю-императору» (т. е. Александру III.— З. А.) — так писал о нем генерал-губернатор Тобольска.³

На «крайнюю политическую неблагонадежность» Долгополова часто жаловался и генерал-губернатор Зап. Сибири; он наконец добился разрешения Министерства внутренних дел отправить Долгополова в г. Семипалатинск.

Н. И. Долгополов был хорошо знаком с Абаем еще до приезда в Семипалатинск через Михаэлиса и Леонтьева. Теперь Долгополов, как и Михаэлис, стал частым гостем в ауле Абая.

В Семипалатинском областном архиве сохранилось прошение Долгополова, поданное им на имя Семипалатинского военного губернатора, где он, жалуясь на расстройство здоровья, просит разрешить ему поездку в аул Абая на два с половиной месяца. Генерал-губернатор направил полицмейстеру распоряжение выдать Долгополову проходное свидетельство, где он писал «об учреждении за ним (т. е. Долгополовым. — З. А.) полицейского надзора вместе с сим предложено г-ну и д. Семипалатинского уездного начальника».⁴

В тесном общении с Абаем находился также Сев. Северинович

¹ «Прииртышская правда», 1945, № 152.

² Там же.

³ А. Степанов. Друзья поэта, «Казахстанская правда», 1940, № 239.

⁴ Ритман-Фетисов. Документы к биографии Абая, «Прииртышская правда», 1945, № 152.

Гросс, сосланный за революционную деятельность в Виленской подпольной организации, и многие другие.

Однако дружба Абая с политическими ссыльными сильно беспокоила местную администрацию. Уже давно был установлен негласный надзор над Абаем и его аулом. Политические ссыльные преследовались за революционную пропаганду среди местного населения. Семипалатинский воен. губернатор запретил Михаэлису и другим политическим ссыльным встречаться с Абаем, «опасным и вредным для царизма человеком, над которым уже установлен полицейский надзор» («Воспоминания дочери Михаэлиса»). Наконец, в ауле Абая был произведен обыск и ссыльные друзья Абая были высланы из Семипалатинска.

Общение и дружба Абая с русскими революционерами, политическими ссыльными на протяжении многих лет — это не только факт биографии поэта, это фактор огромного значения, сыгравший исключительную роль в развитии творчества Абая, в его понимании русской культуры и литературы. «По указанию Евг. Петров[ича] (Михаэлиса — З. А.) Абай перечитал русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Достоевского и др.; познакомился с сочинениями Спенсера, Льюиса, Дрепера. Абай прекрасно потом понял, чем он был обязан Евг. Петров., и с трогательной благодарностью вспоминал о нем до конца дней своей жизни». «Открыл мои глаза г. Михаэлис», — обыкновенно говорил Абай. «Таким образом, Евг. Петр. явился духовным отцом Абая, прелестная поэзия которого с таким восторгом была встречена степью».¹

Друзья Абая — Михаэлис, Долгополов, Гросс и др. частыми беседами, подбором литератур, советами серьезно помогали Абаю в изучении произведений классиков русской литературы и революционеров-демократов. Детальное знакомство с трудами Белинского, Чернышевского, Добролюбова дало возможность Абаю правильно подойти к пониманию русской литературы, способствовало глубокому осмыслению социального содержания, характера и направления творчества Пушкина, Лермонтова, Крылова и др.

Таким образом Абай приступил к переводам произведений Пушкина и других русских поэтов с полным пониманием всего того огромного значения, которое имеет такая работа.

Абай неустанно пропагандировал и распространял среди казахского народа произведения передовых русских писателей и поэтов. Горячая любовь к русской литературе и культуре и благородное стремление приобщить к ним казахский народ, сделать их достоянием народных масс руководили Абаем и в его переводческой работе.

Из «Евгения Онегина» Пушкина Абай перевел всего семь отрывков: 1) Портрет Онегина. 2) Письмо Татьяны. 3) Ответ Онегина (так назван у Абая монолог Онегина в деревенском саду). 4) Второй вариант этого перевода. 5) Письмо Онегина к Татьяне. 6) Письмо Татьяны, т. е. монолог Татьяны в Петербурге. 7) Монолог Ленского (отрывок).

Кроме того, Абай создал еще одну песню, которая называется «Предсмертное слово Онегина».

На некоторых из этих переводов мы вкратце остановимся.

Портрет Онегина, как назвал его Абай, является переводом 10, 11, 12-й строфы из I главы «Евгения Онегина». Вспомним начальные пушкинские строки:

¹ Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сибирского отдела Русск. Географ. общества 1913, вып. VII, стр. 2.

Как рано мог он лицемерить,
Таять надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать...

Кончается песня переводом стихов:

Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!

Перевод мастерски воспроизводит текст оригинала. Хотя Абай избрал обычный в казахской литературе одиннадцатисложный размер, это не мешает ему дать изумительно точный перевод.

Каждую пушкинскую строфу Абай передает также в 14 строках, сохраняя их смысловую точность, не ослабляя художественной выразительности... (Всего у Пушкина и у Абая — 34 строки).

Письмо Татьяны. Вспомним начало пушкинского текста:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

У Абая читаем (все абаевские тексты даются в подстрочном переводе):

Нет выхода, не в силах я молчать,
О, как я могу сказать!
Любви болезнью я страдаю,
Перенесу все, чем бы ни наказали вы.
Печальная, несчастная — я,
Перешагнула границы стыда.
Не побоялась такого унижения...

Как видно из выше приведенного примера, стих «Любви болезнью я страдаю» (или — любви огнем я пылаю) оригиналом не задан, введен Абаем. А смысл двух строк:

Теперь я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать —

сосредоточен в одном стихе:

Перенесу все, чем бы ни наказали вы.

Последние три пушкинские строки:

Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня. —

строки, обращенные к Онегину, Абай заменяет стихами, где Татьяна говорит о себе. И только стих: «Печальная, несчастная — я» у Абая перекликается со словами «К моей несчастной доле».

Далее содержание 10 пушкинских строк Абай передает в 8 строках. Сравним тексты.

У Пушкина:

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.

У Абая:

Сколько в силах я молчала,
Не решалась говорить.
Я б выдержала это горе,
Хоть б в месяц раз видела вас.
Но невозможно видеть вас,
И нельзя слышать ваши речи.
Если б можно, я б ждала вас
И месяц, не смыкая ночами глаз.

Перевод не нарушает смысловой точности пушкинского текста. Абай с необыкновенным мастерством находит в казахском языке слова, соответствующие оригиналу. Расхождения в выражениях, оборотах двух текстов, которые особенно бросаются в глаза при сравнении пушкинского текста с обратным переводом на русский язык абаевского текста объясняются различиями в строе речи в русском и казахском языках.

Обращает внимание, что Абай, как и в выше приведенном примере, так же и далее, оставляет без перевода слово «деревня». Видимо, Абай не хотел заменить его казахским словом «аул».

В целом перевод «письма Татьяны» близок к оригиналу, довольно верно передает содержание и эмоциональную окраску пушкинского текста. С изумительной художественной силой воспроизводит перевод образ Татьяны.

В двух вариантах дал Абай перевод монолога Онегина в деревенском саду.

По художественным достоинствам оба варианта равно совершенны. Второй вариант более близок к тексту Пушкина. Однако здесь две пушкинские строфы, т. е. 28 строк, начинающиеся словами «Когда бы жизнь домашним кругом»,...», и «Но я не создан для блаженства», переданы Абаем сокращенно в восьми строках. За исключением этих строк, перевод довольно полно и точно передает содержание пушкинского текста. С большим поэтическим мастерством находит Абай в казахском языке слова для передачи русских поэтических образов. Приведем один небольшой пример.

У Пушкина:

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною.

У Абая:

Нельзя обновить ушедшую жизнь и характер;
Вы встретились с человеком недостойным вас.
Я вас люблю как брат родной,
Большого не могу обещать.
Младая дева то же, что дерево молодое,
С каждым годом меняющее свои листы.

Совсем по-иному сделан второй вариант этого перевода. Это скорее не перевод, а абаевская вариация на пушкинскую тему. Здесь Абай зачастую не сохраняет пушкинских поэтических образов, не придерживается пушкинских образных средств. Смело вводит свои образы, иногда удачно использует и фольклорные образы и сравнения. Вообще из пушкинского монолога Онегина Абай берет только общее содержание, его композиционную ткань.

Но интересно другое. Абаевская песня — это сконцентрированное сгущенное изложение образа Онегина, который дается всем содержанием романа. Абай вложил в уста Онегина его характеристику. Это своеобразная исповедь Онегина. В этой песне ярко отражено понимание Абаем образа Онегина.

Приводим отрывок:

Когда всеми сладостями жизни
Пресытилась душа моя,
Когда опустошена она от бесцельной жизни,
Встретил я тебя.
Поверь мне — радость покидала мое сердце,
Она не вернется никогда.
Теперь в жизни ничего,
Кроме смерти, нет для меня...
...Я тигр, израненный
Пулями, выстреленными в меня людьми.

Не трудно видеть, что Абай по-своему истолковывает образ Онегина, понимает его несколько своеобразно. Это отношение Абая к образу Онегина особенно ярко выразилось в стихах:

Теперь в жизни ничего,
Кроме смерти, нет для меня...

Этот мотив, уже ясно намеченный здесь, Абай разовьет еще в следующих песнях.

В понимании Абая Онегин — это человек растративший всю свою силу и энергию без пользы для людей, он человек, не нашедший своего места в жизни, жертва общественных порядков, изгнанник общества. Онегину теперь нет места в жизни, он должен умереть. С его охлажденным сердцем он неспособен и к любви. В этой связи показательны следующие характеристики Онегина, которые дает Абай:

Я несчастен в молодые годы...
Погубила меня жестокая эпоха...
Я уголь, оставшийся от пожара...
Я изгнанник общества, эпохи.

Характерен также и метод изображения Онегина. Онегин неоднократно противопоставляется Татьяне. Вот один маленький пример:

Твоя жизнь подобна розе цветущей.
Двери жизни ты найдешь.
Моя жизнь холодна и мрачна,
Как дни осени.

Свободно перевел Абай монолог Татьяны в Петербурге. Перевод в целом верно передает содержание пушкинского текста. Однако отдельные места заметно изменены, некоторые строки оставлены без перевода.

У Абая Татьяна не говорит Онегину:

Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна...

Абай вложил в уста Татьяны другие слова:

Ты был мой супруг богом указанный мне,
Но не смог быть им...

Смысл этих строк раскрывается в следующих стихах:

Пострадавший от зол, причиненных другими людьми,
Ты ушел и от любимой своей.

Или:

Ты тигр израненный.

Вспомним слова Онегина, вложенные в его уста Абаем: «Я тигр, израненный пулями, выстреленными в меня людьми».

Свободно перевел также Абай и «Письмо Онегина к Татьяне». В этой песне образ Онегина Абай рисует, изменяя в том направлении, как и во втором варианте «Ответа Онегина». Характерны слова Онегина:

Ты михраб мой, поклоняюсь тебе.

Признанием самого Онегина Абай показывает все превосходство Татьяны перед Онегиным.

Достойны внимания строки:

Если отвернешься ты,
Глаза мои станут темной могилой.
Лишусь я жизни,
В сырой земле я найду свое место...

Или еще:

Если наступил моей жизни конец,
Я умру.

Из этого мотива вырастает потом песня, созданная Абаем «Предсмертное слово Онегина».

Мать моя — сырая земля (дословно — отец и мать),
Открой мне объятия свои.
Нигде, кроме тебя,
Я не нашел места —

говорит Онегин в этой песне.

Так решает проблему Онегина Абай. Онегин — изгнанник общества, жертва общественных порядков, свою бессмысленную жизнь кончает так же бессмысленно с пистолетом в руках.

8 песен Абая — это неразрывное целое, объединенное сюжетным и смысловым единством. Все переводы, кроме портрета Онегина и монолога Ленского, даны в виде переписки Татьяны и Онегина. Абай выбрал из романа мотив любви. Однако Абай этим не нарушает цельности образа Татьяны и Онегина. Любовная драма вытекает (Абай сумел это показать) из жизни героев, из характера Онегина. Это достигается введением портрета Онегина и второго варианта перевода письма Онегина, на котором мы подробно остановились выше. Эта своеобразная исповедь Онегина помогает дать его цельный образ, как «изгнанника» общества, человека не нашедшего своего места в жизни, человека неспособного и к любви.

Эти песни косвенно проливают свет также и на образ Татьяны, делают его более понятным. Обаятельный образ Татьяны дан Абаем с исключительной поэтической силой. Несмотря на свободный творческий характер монолога Татьяны в целом, ее образ воспроизведен Абаем довольно близко к оригиналу.

Итак, из всего романа взяты лишь его основные стержневые моменты. И только перевод небольшого отрывка из монолога Ленского дает основание полагать, что у Абая во всяком случае был замысел дать более или менее полный образ Ленского, сделать и его действующим лицом.

Что же касается композиционного построения песен, то можно сказать, что такое их построение, где содержание романа дается через переписку Татьяны и Онегина (нет встречи в деревенском саду и в Петер-

бурге, нет и многих других деталей и подробностей, мало знакомых тогда еще казахским массам), диктовалось Абаю его желанием сделать эти переводы понятными для широкого круга читателей и слушателей.

Абай приступил к переводам «Евгения Онегина» в то время, когда передовая часть казахского народа жадно тянулась к русской культуре и литературе. Лучшие сыны народа популяризировали и распространяли произведения русских ученых, писателей и поэтов.

В эти же годы близ г. Семипалатинска жил Ускембаев, кончивший курс в Омском кадетском корпусе. О нем позже, в 1896 г., писал Гр. Потанин,¹ что он любил вечерами рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы (т. е. казахи. — З. А.) с таким интересом слушали его, что просили записать свои рассказы; таким образом получились тетрадки, написанные по-киргизски и содержавшие в себе вольный перевод произведений Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этих вечеров в юрте киргизы пускались в суждения, и тогда, как рассказывали очевидцы, можно было слышать, как Ускембаев пользовался русскими авторитетами: «Послушайте, а вот что об этом говорит известный русский критик Белинский» или «вот какого мнения об этом был русский критик Добролюбов».

К переводам произведения Пушкина Абай приступил в то время, когда казахи-читатели степной газеты писали: «мы любим стихи, отчего редакция газеты не знакомит нас в переводе с русскими поэтами?». . . Желательно было видеть на страницах «Особых прибавлений к АОВ» (Акмолинские Областные ведомости. — З. А.) «статьи, знакомящие киргиз с русской литературой и историей».²

Этим большим интересом и любовью к русской литературе объясняется то, что переводы Абая из «Евгения Онегина» уже в 1889 г. стали широко известными по всей казахской степи.

Высоко одаренный композитор, Абай создал к своим переводам замечательные мелодии. Песни распространялись устно и в рукописях переписывались и заучивались, летели из аула в аул.

Песни из «Евгения Онегина» разносили по всей степи ученики Абая акыны Кокпай Акылбай, Магабья, певцы Муха, Асет и многие другие известные казахские певцы и акыны. И песни из «Евгения Онегина» распевались в степи как родные казахские песни, имена Татьяны и Онегина сделались такими же знакомыми и близкими, как и имена Кыз-Жибек и Баян-Слу.

О широком распространении переводов из «Евгения Онегина» свидетельствуют многие исследователи жизни и творчества Абая, а также отдельные путешественники и ученые, писавшие о казахах.

Еще при жизни Абая, в 1903 г. в XVIII томе известного труда «Россия», вышедшего под ред. В. П. Семенова, А. П. Седелников сообщил следующее: «Этому же автору (т. е. Абаю — З. А.) принадлежат хорошие переводы «Евгения Онегина» и многих стихотворений Лермонтова (который оказался наиболее понятным для киргизов); таким образом от семипалатинских уленши (певцов) можно слышать напр. «Письмо Татьяны», распеваемое, конечно, на свой мотив».³

В конце 90-х годов «Письмо Татьяны» пел певец Адилхан под аккомпанемент скрипки. Песни из «Евгения Онегина» пел и домбрист Аль-

¹ «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 83.

² «Сибирская газета», 1888, № 25.

³ «Россия», т. XVIII, стр. 204.

магамбет и многие другие певцы — друзья Абая, и певец Аблай, живший близ Теректи-кол, и акыны и певцы, жившие во всех уголках широкой казахской степи.

В 1914 г. Рамазанов писал, что письмо Татьяны переложенное на музыку, давно уже раздается в степях.

Несколько позже «Письмо Татьяны» А. Э. Бимбоэс записал на ноты в Акмолинской области. У Османа Кашаганова, певца Петропавловского уезда (Акмолинской области) записал «Письмо Татьяны» в начале 20-х годов Ал. Затаевич.

Переводы «Евгения Онегина» широко распевались также на празднествах и свадебных торжествах. Как установлено исследователями, девушки на традиционных айтысах пели письмо Татьяны, иногда отдельные его отрывки, а джигиты отвечали словами Онегина.

В некоторых уездах и областях переводы «Евгения Онегина» превращались в народные песни, их исполнители не знали имени автора песен — Александра Сергеевича Пушкина. Об этом свидетельствует и Дм. Львович, путешествовавший по Казахстану.

Приводим цитату из его книги «По киргизской степи».

«Признаюсь, сразу я собственным ушам не поверил,—пишет он,—... вообразите только, старый киргиз распевал не более не менее, как... письмо Татьяны к Онегину. ...Письмо также имело всеобщий успех. Я спросил Аблая (так звали певца.—З. А.), не знает ли он, кто сочинил эту песню. По его словам выходило, что тоже какой-то ихний «улейши», об истинном авторе он, конечно, даже не подозревал».¹

В бумагах Пушкина найдена была запись казахской народной поэмы «Козы-Курпеш и Баян-слу», сделанная для Пушкина, вероятно, еще в 1833 г.² Полвека спустя прелестная поэма «Козы-Курпеш и Баян-слу», заинтересовавшая Пушкина, была записана акыном Бейсенбаем по поручению Абая. Но в эти годы уже поэма «Козы-Курпеш» и «Евгений Онегин» Пушкина стали равно близкими и любимыми в казахской степи.

По-казахски, на языке Баян-слу, изъяснялась Татьяна, «русская душою», натура сильная, глубокая, любящая и страстная. На казахском языке читал свою проповедь Татьяне Онегин.

Сила пушкинских идей, переведенных Абаем с высоко поэтической простотой, свойственной великим художникам, сделала переводы «Евгения Онегина» широко популярными песнями по всей казахской степи, песнями, любимыми народом.

Вдохновленные примером Абая, народные акыны давали свои переводы пушкинского «Евгения Онегина». В 1937 г. были опубликованы три различных варианта таких переводов, в том числе вариант, автором которого был один из близких учеников Абая — акын Асет.

«Пушкина, — свидетельствует в недавней юбилейной статье Мухтар Ауэзов, знаток Абая и автор известного романа о нем, — знали, заучи-

¹ Д. м. Львович. По киргизской степи, 1914, стр. 108—109.

² Л. Б. Модзалевский. Запись казахского предания в архиве Пушкина — «Временник Пушкинской Комиссии», т. III, М.—Л., 1937, стр. 323—325. Запись сделана чернилами, неизвестной рукой, на пяти листах большого формата. «Можно считать установленным, — замечает по этому поводу Л. Б. Модзалевский, — что Пушкин был знаком с одним из замечательных памятников народного казахского творчества, о котором до самого последнего времени русские читатели и писатели не имели ни малейшего представления. Лишь в 1927 г. казахская легенда переведена была (в стихах) сибирским поэтом Георгием Тверитиным».

вали не только грамотные люди, но знали большинство акынов — певцов и поющая молодежь. Прекрасные, волнующие мелодии, сочиненные Абаем к тексту письма Татьяны, к объяснениям Онегина, широко разносились по казахским степям. Помнится, как пели девушки на качелях о душевных излияниях Татьяны, как пели на свадебных торжествах, на всяких семейных увеселительных вечерах признанные певцы. И всюду я бывал свидетелем того, с каким почитанием и благоговением внимал стар и млад чарующим пушкинским строкам. Недаром грамотные девушки из абаевской среды, выходя замуж, увозили в числе своего приданого рукописный сборник стихов Абая, в котором неизменно присутствовали пушкинские, лермонтовские стихи».¹

Так носил казахский народ в своих сердцах великое и немеркнущее имя Александра Сергеевича Пушкина.

¹ Мухтар Ауэзов, Гениальные творения — «Культура и жизнь» 31 мая 1949 г.

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9